

УДК 93/94

Некровное родство у татар периода Казанского ханства

А. Р. Мухамадеев,

*Институт истории
им. Ш. Марджани АН РТ,
г. Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация*

In-law kinship among the Tatars of the Kazan Khanate

A. R. Mukhamadeev,

*Sh. Mardzhani Institute of History,
the Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan,
Kazan, the Republic of Tatarstan,
the Russian Federation*

Аннотация

Статья посвящена выявлению видов некровного (искусственного) родства у татар периода Казанского ханства. Автором статьи на основе разнообразных источников зафиксированы такие разновидности этого социального явления, как обычное усыновление, аталычество, «молочное» родство, побратимство. Полученные результаты и выводы подкреплены примерами из подобных традиций крымских татар и ногайцев, игравших важную роль в общественно-политической жизни государства и имевших тесную связь с казанскими татарами, а также других родственных тюркских народов. Как показывают исторические, литературные, фольклорные источники, исследования специалистов-историков, истоки разных видов некровного родства у тюрко-монгольских народов уходят вглубь веков. Они исторически зафиксированы, как минимум, со скифского и древнетюркского периодов. Принято считать, что некоторые виды искусственного родства (например, аталычество) были присущи в подавляющем большинстве кавказским народам. Вместе с тем, они были распространены и у тюркских народов (в том числе, тюркских этносов Кавказа). Зафиксированы случаи некровного родства и у тюркских этносов Среднего Поволжья, например, в золотоордынский период, а также в период Казанского ханства. Побратимство осуществлялось не только между представителями родственных по происхождению народов. При этом, побратимы считались близкими не только духовно, их детям запрещалось вступать в брак между собой. Побратимство могло происходить и между целыми семьями. Институт аталычества в основном был присущ княжеско-знатной среде. Данным термином, как правило, обозначается обычай воспитания ребенка вне родного дома, в чужой семье.

Abstract

The article is devoted to the identification of the types of in-law (artificial) kinship among the Tatars during the Kazan Khanate period. Based on various sources, the author of the article fixes varieties of this social phenomenon,

including simple adoption, atalychestvo (fosterage), milk kinship, and fraternization. The results and conclusions are supported by the examples of similar traditions of the Crimean Tatars and Nogais, who played an important role in the sociopolitical life of the state and had close ties with Kazan Tatars, as well as other related Turkic peoples. As demonstrated by historical, literary and folklore sources, as well as studies by historians, the origins of different types of in-law kinship among the Turkic-Mongolian peoples, date back centuries. They are historically recorded, at least, from the Scythian and Ancient Turkic periods. It is widely accepted that some types of artificial kinship (for example, atalychestvo) were peculiar to the vast majority of Caucasian peoples. At the same time, they were widespread among Turkic peoples as well (including Turkic ethnic groups of the Caucasus). Cases of in-law kinship were recorded in terms of Turkic ethnic groups of the Middle Volga, for example, in the Golden Horde and the Kazan Khanate periods. Fraternization occurred not only among the representatives of kindred peoples. Those kinds of siblings were considered to be not only kindred spirits but their children were forbidden to marry. Fraternization could occur between the whole families. The institution of atalychestvo was mainly existing among princes and noblemen. This term, as a rule, denotes the practice of raising and educating a child outside their own home, in foster care.

Ключевые слова

Тюрки, Казанское ханство, татары, ногайцы, адопция, усыновление, аталычество, молочное родство, молочный отец, молочный брат, имельдеш, побратим.

Keywords

Turks, the Kazan Khanate, Tatars, Nogais, adoption, adoption, atalychestvo, milk kinship, milk father, milk brother, imeldesh, sworn brother.

Институт усыновления в тюркском мире, как и в других обществах, имеет глубокие корни. Так, на основании китайских источников, Н. Н. Серегин и В. В. Тишин говорят о наличии свидетельств, прямо утверждающих, что еще для древнетюркской эпохи было характерно такое социальное явление, как усыновление. Например, в 555 г., когда вэйское правительство выдало тюркам 3 тыс. искавших у них укрытие жужаней, которые были казнены. От неминуемой казни были избавлены юноши до 16 лет, которых распределили между представителями знати. Более конкретные примеры они приводят и в отношении древнеуйгурских правителей¹. Причины, принципы и способы усыновления, по мнению исследователей, были самыми разными. В любом случае, более поздние тюркские общества в этом плане не стали исключением. В Казанском ханстве примеры усыновления, его разновидности, а также другие категории искусственного родства зафиксированы, как в исторических источниках, так и литературных произведениях современников.

Случай обычного усыновления (удочерения) в Казанском ханстве мы видим в поэме «Тухвай мардан» (Дар мужей) татарского поэта XVI в. Мухамедьяра, где говорится о том, как правитель покупает и удочеряет 14-летнюю девочку, обреченную на смерть:

*«Шах со свитой в дом отправился скорей,
У отца купил он дочку поскорей.
Во дворец привел там поселил ее,
Радостью расцвел удочерил ее»².*

Традиция усыновления зафиксирована у тюрков Среднего Поволжья еще в начале XIII в. в произведении Кул Гали «Кысса-и Йусуф». Здесь по сюжету Йакуб (отец Йусуфа) «взрастил» в семье неродную дочь, которая стала кормилицей

для Йусуфа³. В другом отрывке правитель усыновляет самого Йусуфа⁴. Правда, в последнем случае усыновление больше похоже на сюжетную линию произведения.

В целом же, институт усыновления – явление для тюрко-монгольского мира древнее и повсеместное, он существовал как в доисламский, так и мусульманский периоды развития тюркских народов. Название усыновленных детей как «тутунчу», «тутунчу угул» можно обнаружить в словаре М. Кашгари (XI в.)⁵. Более того, в древнеуйгурских документах усыновление зафиксировано официально.

В Казанском ханстве исторически сложился и другой институт приемных детей, больше напоминающий аталычество, который в основном зафиксирован в этнографических материалах кавказских народов (в т. ч. тюркских: кумыков, балкарцев, карачаевцев). Согласно этому обычаю, малолетний ребенок (в т. ч. новорожденный) переходит для воспитания в другую семью и возвращается обратно (к своим родителям) при достижении им определенного возраста (как правило, совершеннолетия). Так, Ш. Марджани, писал об одном обычае, распространенном среди татар, который однозначно можно воспринимать как институт аталычества. Ученый, объясняя происхождение имени «Гарай», пишет: «У татар был довольно своеобразный обычай, они отдавали своих детей на воспитание атабекам, у них считалось очень почетным, когда ребенка воспитывал молочный отец. Известно, что Гиясуддин воспитывался в семье суфия Давлятгильде из племени Гарай. Когда Давлятгильде возвращался из хаджа у Гиясуддина родился сын, и он из уважения к своему молочному отцу дал своему сыну имя Хаджигирей (Хаджи Гирей I (ок. 1397-1466 гг.), основатель и первый хан (1441-1466 гг.) независимого Крымского ханства и династии Гиреев. – А. М.), а его потомки переняли традицию прибавления этого имени (Гирей) к собственному имени ребенка»⁶. Утверждение Ш. Марджани, когда он называет аталычество «довольно своеобразным обычаем» татар, можно воспринимать как достаточно верную информацию т. к. считается, что кроме кавказских тюрков у других тюркских народов (за пределами Кавказа) этот институт практически не был распространен (хотя слово «аталык» тюркского происхождения). Имеется мнение, что этот институт мог практиковаться у башкир.

Переводчик указанного труда Ш. Марджани дает пояснение, что в данном случае, вероятно, речь идет о воспитании ребенка в семье молочной матери и молочного отца и под «атабеком» имеется ввиду молочный отец. Далее переводчик пишет, что у некоторых народов до сих пор есть подобные обычаи⁷. В пример приводятся уйгуры, которые помогают друг другу воспитанием детей из многодетных семей своих родственников, и казахи, у которых часто первенец воспитывается в семье деда. «Поэтому, заключает автор примечания, можно предположить, что речь идет о чем-либо подобном этим обычаям»⁸. Вместе с тем, в обоих случаях (относительно казахов и уйгуров) комментатор говорит о случаях при наличии родственных отношений между воспитанником и приемной семьей, тогда как при классическом аталычестве такое обстоятельство далеко не всегда обязательно.

В случае с Гияс ад-Дином Ш. Марджани называет его воспитателя суфия молочным отцом (т. е. мужем молочной матери). Примерно такая же ситуация случилась с его сыном Хаджи Гиреем, о подробностях воспитания которого Ш. Марджани не пишет. Вместе с тем, сохранившиеся предания сообщают о сыне Гияс ад-Дина, которого с трудом спас его слуга после истребления, постигшего сторонников хана Тохтамыш. Слуга около шести лет скитался с ребенком, пока ему не удалось вернуться в родные края и вернуть невредимого мальчика на воспитание родственникам.

Изучив разные взгляды предшественников о принципах и разновидностях, эволюции института атальчества на Кавказе, Л. А. Гутова констатирует, что среди исследователей не существует единого мнения. В целом, данным термином обозначается обычай воспитания ребенка вне родного дома, в чужой семье. Он был присущ княжеско-дворянской среде. Но отмечались случаи, когда люди неблагородного происхождения, но материально состоятельные, также отдавали своих детей в другие семьи. Ребенка могли отдать на воспитание и представителям соседних народов. Согласно данным этнографа С. Хан-Гирея, необходимостью существования атальчества было сближение и покровительство сильнейших и слабых слоев населения. Поэтому князья, для увеличения своего могущества искали все возможные средства, чтобы привязать к себе дворян, а дворяне, в свою очередь, для обеспечения постоянной защиты и помощи при любой ситуации, желали как можно больше сблизиться с князьями. Согласно изысканиям Я. С. Смирновой, атальческие связи завязывались между всеми соседними народами, особенно частым было воспитание детей кабардинских князей и дворян в семьях балкарской, карачаевской, осетинской, адыг-черкесской знати, а иногда и богатых крестьян. Одновременно существовал и обратный порядок, когда эта знать посылала своих детей в кабардинские семьи учиться здесь тонкостям этикета. Несколько иная трактовка имеется у С. Х. Мафедзева, который объяснял атальчество как воспитание ребенка убитого отца его убийцей «за кровь». Возвращение такого воспитанника в 15-16 лет освобождало его воспитателя от кровной мести. Из приведенных суждений, пишет Л. А. Гутова, явствует, что данный институт был далеко не однозначным⁹.

Изучавший в XIX в. законы и обычаи народов Кавказа М. Ковалевский пишет, что молочное родство, порождаемое фактом вскармливания ребенка грудью, соблюдается «татарами» (согласно комментариям, в данном случае автор имеет в виду кумыков и ногайцев. – А. М.) также весьма строго. Между родом кормилицы и родом вскормленного не может быть брака. У «татар» по этому поводу есть поговорка: «Молоко идет так же далеко, как и кровь», т. е. родство по кормилице соблюдается в тех же степенях, что и кровное. К молочному родству причисляется и то, основанием чему является воспитание. Автор пишет, что «балкарские князья имеют обыкновение отдавать своих детей в чужие семьи, где они остаются до семилетнего возраста. В торжественной обстановке возвращается молодой князь к родителям в сопровождении воспитавшего его лица. С этого времени между обоими родами возникает родственная связь, и воспитанник или «емчек» лишается права вступать в брак с кем-либо из семьи аталька»¹⁰.

Как указывалось у Ш. Марджани и в литературных произведениях периода Казанского ханства, в частности у Мухамедьяра, есть все основания полагать, что институт атальчества в средние века существовал и у казанских татар, чему имеются источниковые свидетельства. Так, казанский летописец, описывая штурм русскими войсками Казани в 1524 г., упоминает предводителя татарского войска князя-богатыря по имени Аталык. Этот военачальник три дня громил русские полки в то время, когда казанский хан заперся в городе. Аталык упоминается в указанной летописи несколько раз и погибает в 1530 г. при следующем штурме Казани русскими войсками¹¹.

Следующий вид некровного родства, бытовавшего в Казанском ханстве, – молочное братство. О наличии такого явления в Казанском ханстве можно сделать вывод из описания событий последних минут штурма Казани войсками Ивана Грозного. Молочный брат назывался у татар «имельдеш». Так, непосредственный

участник и свидетель падения Казани князь Курбский пишет: «И отдаша намъ царя своего со единымъ карачемъ, что наибольшим их, и со двема имилдеши. Царю ихъ было имя бусурманское Идигерь, а князю оному Зеніешъ»¹². Здесь он описывает события, когда последние защитники Казани выдают русским казанского хана и его молочных братьев (имильдешей), которые по праву считались ближайшими родственниками хана.

Учитывая значительную роль в истории Казанского ханства таких народов, как крымские татары и ногайцы, насыщенные исторические события и жизнедеятельность государства и общества, происходившие при их участии, необходимо более подробно остановиться на разновидностях и примерах адаптации в их обществах. Как пишет Р. Х. Керейтов, ногайцам издревле присущи такие социальные институты, как куначество (конакык), аталычество (аталык), побратимство (кардаш окынув), посестримство (карындас окынув), которые как и гостеприимство, находились под контролем общественного мнения¹³.

Аталычество было известно еще прямым предкам ногайцев, оно нашло широкое отражение и в фольклоре ногайцев. Об этом свидетельствуют эпические сказания, относящиеся к ногайскому или, как его нередко именуют, «ногайлинскому» циклу, характеризующему внутреннюю жизнь Золотой Орды в XIII-XV вв. В ногайском обществе существовали две формы аталычества, отмеченные С. Ш. Гаджиевой. Первая форма заключалась в том, что ребенка сразу же после появления на свет или через неделю передавали на воспитание в другую семью. Таким образом через аталычество между двумя семьями устанавливались тесные отношения, равные родственным и налагающие на обе стороны большие обязанности. Воспитанник на всю жизнь сохранял связь с семьей аталыка, проявляя к нему знаки особого внимания и оказывая ему почести большие, чем даже своему отцу. С молочными братьями и сестрами воспитанник держался как с родными, но уважение оказывал внешне более подчеркнуто, чем к родным, особенно при посторонних. Особенно высоко почитал он свою кормилицу – «эмшек ана», «аналык», любую просьбу которой он обязан был выполнять безотлагательно. Второй вид аталычества не был связан ни с кормлением грудью передаваемого на воспитание ребенка, ни, тем более, с поселением воспитуемого в дом воспитателя, ибо в данном случае аталыка выбирал себе уже взрослый молодой человек, или же, наоборот, аталык брал себе на воспитание юношу¹⁴.

С. Ш. Гаджиева среди различных форм искусственного родства у ногайцев выделяет заметную роль побратимства («кардаш тутув», «дос тутув», «аданас тутув», иногда «аталык тутув»). Суть этого обычая заключалась в том, что двое молодых людей (юноша и девушка), не состоявшие в кровном родстве, пожелав заключить союз вечной дружбы и братства – «дослык», объявляли об этом своим родителям. Если родители одобряли его, то обе семьи с участием всех близких родственников устраивали в честь этого союза торжественный прием с угощением и делали побратимам дорогие подарки: юношам – чаще коня или жеребенка, реже – корову или телку, а девушкам – одежду, украшения.

У ногайцев побратимство осуществлялось и целыми семьями. Так, две семьи могли договориться относительно родства, при этом устраивались взаимные угощения и обмен подарками. Дети побратавшихся семей называли главу другой семьи отцом или аталыком, его жену – матерью. Семьи-побратимы помогали друг другу в уплате калыма при женитьбе своих сыновей, а также в приобретении приданого и подарков при выходе замуж их дочерей, при других жизненно важных

обстоятельствах. Как и при других формах искусственного родства, браки между побратимами (если это девушка и юноша), а также между всеми членами двух семейств запрещались, но допускались между остальными их родственниками¹⁵.

Примеры побратимства у степняков зафиксированы еще у древних скифов. Побратимство издревле было свойственно и монгольским народам. Известно, что гвардия монголов родилась из нукерства, дружины хана, из молодых воинов, лично преданных хану и связывающих все свое будущее с военной службой. Своеобразной клятвой верности нукеров друг другу являлся обычай побратимства (анда). Вместе с тем, как уверяет Е. И. Кычанов, служба правителю со стороны нукеров практически приравнивалась к рабской службе¹⁶.

В ногайском обществе практиковалось аталычество и побратимство и с другими этносами. Например, ногайские мурзы довольно часто выступали в качестве аталыков детей крымских ханов, детей представителей знати, содержали и воспитывали их в своих улусах. В частности известно, что основатель Малой ногайской орды под Азовом Казымурза являлся аталыком младших детей крымских ханов Гиреев¹⁷.

Практиковалось побратимство не только с представителями родственных народов. А. А. Шейхумаров приводит примеры, когда польские и крымские аристократы становились побратимами, а во время очередного перемирия между двумя армиями могли ездить друг к другу в гости. Один из таких случаев произошел в 1648 г., когда после Корсунской битвы в крымский плен попал ряд высокопоставленных польских военачальников – коронный великий гетман Николай Потоцкий, коронный польный гетман Николай Калиновский, полковник Адам Иероним Сенявский. Николай Потоцкий в плену побратался с ханским визирем Сефером Гази-агой. В 1650 г. сын Николая Потоцкого, Николай, приехал в Крым и поручился за своего отца, после чего коронный гетман был отпущен в Польшу для сбора выкупа, а его сын остался в качестве залога в Крыму. В целом, после Корсунской битвы большое количество польских шляхтичей было выпущено крымскими татарами под залог или честное слово¹⁸.

Отсутствие прямых указаний на наличие такого явления как побратимство в источниках периода Казанского ханства, не означает его фактического отсутствия. Оно было распространено практически у всех этносов тюрко-монгольского сообщества. Во-вторых, побратимство, как показывают примеры, широко практиковалось у ногайцев и крымских татар, которые тесно контактировали с казанскими татарами и играли не последнюю роль в общественно-политической жизни ханства, их представители становились правителями государства.

Подтверждением тому могут служить и данные о белорусских татарах, зафиксированные в т. ч. в период Золотой Орды и Казанского ханства, где побратимство, как искусственное родство, братство между людьми, не связанными кровными узами, обозначалось как «охретание». Татарам Литовского королевства был известен обычай братания путем выливания воды на сабли. В прошении татар к королю Сигизмунду I в 1519 г. имеется упоминание о клятвах, которые их предки давали на саблях. В клятвах говорилось, что татары любят литвинов, которые «сказали ступающим на эти земли, что этот песок, эта вода и эти деревья едины для всех». В родство разрешалось вступать двоим мужчинам или мужчине и женщине, если он женат, а она замужем. Делать «охретание» не разрешалось женщинам. «Охретами» становились в присутствии муллы. Взявшись за полотенце, обходили три раза вокруг стола, на котором стояли вода, хлеб, соль и лежал Коран. Мулла пел молитву (дуа), благословляя лиц, которые вступали в «охретание», от имени

Аллаха, и в конце ритуала поздравляя «охреть». Участники обряда должны были подарить друг другу личные вещи. Побратимы становились обязанными оказывать взаимную помощь, опекать «охретья», выказывать ему уважение, помогать в трудные моменты. Про побратима нельзя было ни говорить плохое, ни слушать, если отрицательное говорилось про него. Если «охреть» хотел приобрести какую-либо вещь, которая принадлежала побратиму, то последний должен был отдать ее без жалости. Побратимы считались близкими не только духовно, их детям запрещалось вступать в брак между собой. Нарушение «охретания» считалось большим проступком. «Охрети», у которых портились отношения между собой, должны были взять полотенце в руки, и мулла рассекал его, символически ударя ладонью в знак прерывания побратимства¹⁹.

В данном случае, слово «охретание», «охреть» – производное от «ахирэт». Татарско-русский словарь передает его как «загробный мир», так и «приятельница, подруга». На сегодняшний день среди татароязычного населения «ахирэт», в основном, используется как обозначение внеземной жизни, например, пословица «Дөнья эшен ахирэткә калдырма» означает «Не оставляй мирские дела на тот свет». В прошлом среди татарских девушек существовал обычай дружбы ахирэтлек, означающий дружбу не только в земном, но и загробном мире²⁰.

Как пишет С. Ю. Белоруссова, на сегодняшний день у нагайбаков ахирэт является духовным побратимством – считается, что они скрепляют себя родством не только при жизни, но и после смерти. Если обычай «ахирэт» изначально у нагайбаков распространялся только на женщин, то позже стал практиковаться и среди мужчин. Муж и жена оба могли иметь подобную пару. В прошлом существовал обряд принятия побратимства (ахирэт): для этого пары по очереди приходили друг к другу в гости, а затем объявляли родне, что намерены стать «ахирэт», на что те должны были дать свое согласие, то есть принять в свое родство. Обряд сопровождался обменом подарками, подарки одежды обозначали долговечность²¹.

Таким образом, мы можем констатировать, что в Казанском ханстве практиковались практически все виды некровного родства. Выявлены такие разновидности этого института, как обычное усыновление, аталычество, молочное родство (молочный отец, молочный брат), побратимство. Все эти обычаи имеют глубокие корни и были присущи всем тюрко-монгольским народам.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Серегин Н. Н., Тишин В. В. Социальная история тюрков Центральной Азии (вторая половина I тысячелетия н. э.). Ч. 1: Очерки социальной структуры (по письменным и археологическим источникам). – Барнаул: Изд-во Алт. Гос. ун-та, 2017. – С. 208.
2. Мухаммедьяр. Произведения. Тухвай мардан. – М.: Булгар иле, 2007. – С. 47.
3. Кул Гали. Сказание о Йусуфе (пер. С. Иванова). – Казань: Тат. книж. изд-во, 1985. – С. 27.
4. Там же. – С. 112.
5. Мамуд ал-Кашгари. Диван Луга тат-Турк. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – С. 1020.
6. Цит. по: Марджани Ш. Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара (Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар). Ч. 1. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2005. – С. 155.
7. Перевод сделан по изданию: Марджани Ш. Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара (Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар). – Казань, Типография Б. Л. Домбровского, 1897 г.
8. Там же.

9. *Гутова Л. А.* Обычай аталычества: обряд и фольклор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 10 (76): Ч. 1. – С. 20.
10. *Ковалевский М.* Закон и обычай на Кавказе. Т. 1. – М.: Типография А. И. Мамонтова и К, 1890. – С. 215.
11. История о Казанском царстве (Казанский Летописец) // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). – Т. XIX. – Изд. 1-е. – СПб., 1903. Электронный ресурс. Режим доступа: www.xn--80ad7bbk5c.xn--p1ai/ru/content/istoriya-o-kazanskom-carstve (дата обращения: 12.11.2019).
12. *Устрялов П.* Сказания князя Курбского. – Санкт-Петербург: типография императорской академии наук, 1868. – С. 30.
13. *Керейтов Р. Х.* Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры. – Ставрополь: Сервисшкола, 2009. – С. 256-257; *Губогло М. Н.* Исследование гостеприимства по материалам серии «Народы и культуры / Грамматика гостеприимства». – М.: ИЭА РАН, 2015. – С. 57.
14. *Гаджиева С. Ш.* Очерки истории семьи и брака у ногайцев XIX – начало XX вв. – М.: Наука, 1979. – С. 118-123.
15. Там же. – С. 126-127.
16. *Кычанов Е. И.* Кешиктены Чингис-хана (о месте гвардии в государствах кочевников) // *Mongolica: К 750-летию «Сокровенного сказания».* – М.: Наука, 1993. – С. 154.
17. *Гаджиева С. Ш.* Указ. соч. – С. 118.
18. *Шейхумеров А. А.* Рыцарские традиции в Диком поле: взаимоотношения крымских татар и поляков в XVI-XVII вв. // Петербургский исторический журнал. – 2017. – № 4. – С. 268.
19. *Канапацкая З.* Празднично-обрядовая культура белорусских татар. Электронный ресурс. Режим доступа: www.docplayer.ru/30630181-Z-kanapackaya-prazdnichno-obryadovaya-kultura-belorusskih-tatar.html (дата обращения: 18.10.2019).
20. *Замалетдинов Р. Р., Мухаметзянова Л. Р., Хуснутдинов Д. Х.* Татарская лингвокультурология: концепты материального мира человека. – Казань: Отечество, 2012. – С. 92, 121.
21. *Белоруссова С. Ю.* Динамика этничности нагайбаков в XVIII-XXI вв.: дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2017. – С. 126-127.

Список литературы

- Белоруссова С. Ю.* Динамика этничности нагайбаков в XVIII-XXI вв.: дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2017. – 304 с.
- Гаджиева С. Ш.* Очерки истории семьи и брака у ногайцев XIX – начало XX вв. – М.: Наука, 1979. – 173 с.
- Губогло М. Н.* Исследование гостеприимства по материалам серии «Народы и культуры» // Грамматика гостеприимства». – М.: ИЭА РАН, 2015. – С. 36-89.
- Гутова Л. А.* Обычай аталычества: обряд и фольклор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 10 (76): Ч. 1. – С. 20-23.
- Замалетдинов Р. Р., Мухаметзянова Л. Р., Хуснутдинов Д. Х.* Татарская лингвокультурология: концепты материального мира человека. – Казань: Отечество, 2012. – 196 с.
- История о Казанском царстве (Казанский Летописец) // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). – СПб., 1903. – Т. XIX. – Изд. 1-е. Электронный ресурс. Режим доступа: www.xn--80ad7bbk5c.xn--p1ai/ru/content/istoriya-o-kazanskom-carstve (дата обращения: 12.11.2019).

Канапацкая З. Празднично-обрядовая культура белорусских татар. Электронный ресурс. Режим доступа: www.docplayer.ru/30630181-Z-kanapackaya-prazdnichno-obryadovaya-kultura-belorusskih-tatar.html (дата обращения: 18.10.2019).

Керейтов Р. Х. Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры. – Ставрополь: Сервисшкола, 2009. – 468 с.

Ковалевский М. Закон и обычай на Кавказе. – М.: Типография А. И. Мамонтова и К, 1890. – Т. 1. – 293 с.

Кычанов Е. И. Кешиктены Чингис-хана (о месте гвардии в государствах кочевников) // *Mongolica: К 750-летию «Сокровенного сказания»*. – М.: Наука, 1993. – 343 с.

Кул Гали. Сказание о Йусуфе (пер. С. Иванова). – Казань: Тат. книж. изд-во, 1985. – 256 с.

Марджани Ш. Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара (Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар). – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2005. – Ч. 1. – 255 с.

Махмуд ал-Кашигари. Диван Луга тат-Турк. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 1288 с.

Мухаммедьяр. Произведения. Тухвай мардан. – М.: Булгар иле, 2007. – 432 с.

Серегин Н. Н., Тишин В. В. Социальная история тюрков Центральной Азии (вторая половина I тысячелетия н. э.). – Ч. 1: Очерки социальной структуры (по письменным и археологическим источникам). – Барнаул: Изд-во Алт. Гос. ун-та, 2017. – 344 с.

Устрялов П. Сказания князя Курбского. – Санкт-Петербург: типография императорской академии наук, 1868. – 460 с.

Шейхумеров А. А. Рыцарские традиции в Диком поле: взаимоотношения крымских татар и поляков в XVI-XVII вв. // *Петербургский исторический журнал*. – 2017. – № 4. – С. 267-277.

References

Belorossova S. Yu. *Dinamika etnichnosti nagaybakov v XVIII-XXI vv. dis. ... kand. ist. nauk*. [The dynamics of the ethnicity of Nagaybaks in the 18th – 21st centuries. Dis. ... cand. his. sc.]. Ekaterinburg, 2017, 304 p.

Gadzhiev S. Sh. *Ocherki istorii semyi i braka u nogaytsev XIX – nachalo XX vv.* [Essays on the history of family and wedlock among Nogais in the 19th – early 20th century]. Moscow, Nauka publ., 1979, 173 p.

Guboglo M. N. *Issledovaniye gostepriimstva po materialam serii "Narody i kul'tury"* [Hospitality research based on the materials of the series "Peoples and cultures"]. IN: *Grammatika gostepriimstva* [Grammar of Hospitality]. Moscow, IEA RAN publ., 2015, pp. 36-89.

Gutova L. A. *Obychay atalychestva: obryad i folklor* [Atalychestvo practice: ceremony and folklore]. IN: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Theoretical and practical issues], 2017, no. 10 (76), part 1, pp. 20-23.

Zamaletdinov R. R., Mukhametzyanova L. R., Khusnutdinov D. Kh. *Tatarskaya lingvokulturologiya: kontsepty materialnogo mira cheloveka* [Tatar linguoculturology: concepts of the human material world]. Kazan, Otechestvo publ., 2012, 196 p.

Istoriya o Kazanskom tsarstve (Kazanskiy Letopisets) [The story of the Kazan kingdom (Kazan Chronicler)]. IN: *Polnoye sobraniye russkih letopisey (PSRL)*. [Complete Collection of Russian Chronicles (PSRL)]. St. Petersburg, 1903, vol. XIX, edition 1. [On-line. Available at: <https://www.xn--80ad7bbk5c.xn--p1ai/ru/content/istoriya-o-kazanskom-carstve> (date of the application: 12.11.2019)].

Kanapatskaya Z. *Prazdnichno-obryadovaya kultura belorusskih tatar* [Festive and ceremonial culture of Belarusian Tatars. On-line. Available at: www.docplayer.ru/30630181-

Z-kanapackaya-prazdnichno-obryadovaya-kultura-belorusskih-tatar.html (date of the application: 18.10.2019)].

Kereytov R. Kh. *Nogaytsy. Osobennosti etnicheskoy istorii i bytovoy kultury* [Nogais. Peculiarities of ethnic history and everyday culture]. Stavropol, Servisshkola publ., 2009, 468 p.

Kovalevsky M. *Zakon i obyчай na Kavkaze* [Laws and customs in the Caucasus]. Moscow, Tipografiya A. I. Mamontova i K publ., 1890, vol. 1, 293 p.

Kychanov E. I. *Keshikteny Chinigis-khana (o meste gvardii v gosudarstvakh kochevnikov)* [Keshiktens of Genghis Khan (on the role of the guard in the states of nomads)]. IN: *Mongolika: K 750-letiyu "Sokrovennogo skazaniya"* [Mongolica: dedicated to the 750th anniversary of the "Secret Tale"]. Moscow, Nauka publ., 1993, 343 p.

Kul Gali. *Skazaniye o Yusufе (per. S. Ivanova)* [The Legend of Yusuf (translated by S. Ivanov)]. Kazan, Tat. knizh. izd-vo publ., 1985, 256 p.

Mardzhani Sh. *Izvlecheniye vestey o sostoyanii Kazani i Bulgara (Mustafad al-ahbar fi ahvali Kazan va Bulgar)* [Extracting news on the state of Kazan and Bulgar (Mustafad al-ahbar fi ahahwali Kazan va Bulgar)]. Kazan, Izd-vo "Fen" AN RT publ., 2005, part 1, 255 p.

Mahmud al-Kashgari. *Divan Luga tat-Turk* [Diwan lughat al-Turk]. Almaty, Dayk-Press publ., 2005, 1288 p.

Mukhammedyar. *Proizvedeniya. Tuhvai mardan* [Works. Tuhwai mardan]. Moscow, Bulgar ile publ., 2007, 432 p.

Seregin N. N., Tishin V. V. *Sotsialnaya istoriya tyurkov Tsentralnoy Azii (vtoraya polovina I tysyacheletiya n. e.). Ch. 1: Ocherki sotsialnoy struktury (po pismennym i arheologicheskim istochnikam)* [The social history of the Turks of Central Asia (second half of the 1st millennium AD). Part 1: Essays on social structure (written and archaeological sources)]. Barnaul, Izd-vo Alt. Gos. un-ta publ., 2017, 344 p.

Ustryalov P. *Skazaniya knyazya Kurbskago* [Tales of the Prince of Kurbsk]. St. Petersburg, printing house of the Imperial Academy of Sciences publ., 1868, 460 p.

Sheykhumerov A. A. *Rytsarskiye traditsii v Dikom pole: vzaimootnosheniya krymskih tatar i polyakov v XVI-XVII vv.* [Knightly traditions in the steppe frontier region: the relationship of Crimean Tatars and Poles in the 16th – 17th centuries]. IN: *Peterburgsky istoricheskiy zhurnal* [Petersburg historical journal], 2017, no. 4, pp. 267-277.

Сведения об авторе

Мухаммадеев Алмаз Раисович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, e-mail: almazrm42@mail.ru

About the author

Almaz R. Mukhamadeev, Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher at Sh. Mardzhani Institute of History, the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, e-mail: almazrm42@mail.ru

В редакцию статья поступила 01.04.2020, опубликована:

Мухаммадеев А. Р. Некровное родство у татар периода Казанского ханства // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2020. – № 2. – С. 61-70.

Submitted on 01.04.2020, published:

Mukhamadeev A. R. Nekrovnoe rodstvo u tatar perioda Kazanskogo hanstva [In-law kinship among the Tatars of the Kazan Khanate]. IN: Gasyrlar avazy – Eho vekov, 2020, no. 2, pp. 61-70.